Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 3 350–363
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363
EDN: EJKUCF

Научная статья

Психояз как форма медикализации русского языка

В.А. Ефремов

Институт лингвистических исследований РАН, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*
✉valef@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом медикализации в современном российском обществе, связанном с рядом факторов: пандемия COVID-19, распространение концепций «новой этики» и «новой эмоциональности», популярность психотерапевтических услуг. В результате широкой экспансии психологической терминологии в обыденные речь и коммуникацию в 2020-е гг. в русском языке возникает феномен «психояза». Цель исследования — анализ лингвистической природы психояза как одной из форм медикализации современного русского языка и речи. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, электронного архива русскоязычных СМИ «Интегрум», а также лексикографического ресурса «Новое в русской лексике» (ИЛИ РАН). Контексты употребления исследуемых единиц извлекали методом поиска слов и коллокаций с элементами контент-анализа. Использованы традиционные методы семантического, компонентного, контекстуального, лексикографического и лингвокогнитивного анализа. Установлены генезис и эволюция термина и понятия *психояз*. Выявлена хронология этого явления: первый этап детерминологизации психоаналитической лексики в русском языке приходится еще на 1990-е гг. (*комплекс, либидо, фрустрация, нарциссизм* и др.). Психояз квалифицирован как классический случай детерминологизации специальной лексики. Впервые в науку введено и обосновано различие двух терминов: *психояз1* (некорректное использование психологических терминов в обыденной речи) и *психояз2* (использование психологической терминологии для описания явлений, не имеющих отношения к сфере психологии). Показано, что важным фактором актуализации психологической лексики выступают «новая этика» и «новая эмоциональность». В заключении намечаются дальнейшие перспективы исследования: от лингвокогнитивных и лингвоаксиологических до лексикографических.

Ключевые слова: психотерапевтический жаргон, психологические термины, квазитермины, детерминологизация, новая этика, новая эмоциональность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.02.2026; принята к печати 15.05.2026.

Для цитирования: *Ефремов В.А.* Психояз как форма медикализации русского языка // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 350–363. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363 EDN: EJKUCF

© Ефремов В.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Введение

Несмотря на то что в современных гуманитарных исследованиях проблематику медикализации принято возводить едва ли не к истории Древней Греции, все-таки как самостоятельный феномен, связанный с усилением социальной и политической роли медицины в жизни общества, она становится предметом научных разысканий лишь с конца 1960-х гг. (Михель, 2011).

В социологии и антропологии медикализацией называют «процесс, при котором немедицинские проблемы определяются в медицинских терминах, описываются с использованием медицинского языка, понимаются через принятие медицинских рамок или „лечатся“ с помощью медицинского вмешательства» (Conrad, 2007: 5). На наш взгляд, с лингвистической точки зрения медикализация проявляется прежде всего в экспансии медицинских концепций, терминов и понятий в язык и мышление усредненной языковой личности, не имеющей соответствующего специального образования. Усиление медикализации в современном российском обществе имеет множество причин: стремительное развитие науки и медицины, широкое распространение знаний в эпоху Интернета, популяризация здорового образа жизни, интерес к телесным практикам и нетрадиционным формам медицины и мн. др. Следовательно, и медикализацию языка можно изучать в разных ракурсах: от репрезентации медицинских знаний в медиа до медицинских мифов в общественном сознании и их трансляции в художественной литературе XIX или XX вв., например. (Иные лингвистические аспекты медикализации освещены в (Макарова, 2015)).

Одновременно процесс медикализации, особенно усилившийся в связи с пандемией конца 2010-х — начала 2020-х гг., совпал с формированием в российском обществе, во-первых, концепции «новой этики», «генезис которой напрямую связан с развитием интернет-коммуникации и новых медиа как пространством идей, сложившихся из сложного микса феминизма третьей волны, проблематики новой чувствительности, культуры отмены, политической корректности и др.» (Ефремов, Матвеева, 2023: 265), и, во-вторых, ситуации «новой эмоциональности», которая предполагает высокую степень эмоциональной открытости и откровенности современной личности, ставящей в центр общественного внимания свои личный опыт, травматичные переживания, уязвимость перед агрессивным миром. Причем крайне важным представляется тот факт, что «субъектом дискурса новой эмоциональности является жертва: человек страдает от истощающих его отношений с семьей или коллегами, недооценивает собственную деятельность, переживает из-за проблем на работе или дома и т.д.» (Кошкарова, Яковлева, 2019: 149). Апологеты новой этики и новой эмоциональности призывают использовать новый, одновременно объективный и морально чувствительный язык, тем более что некоторые из сторонников новой этики открыто декларируют, что «привычный нам язык — это часто язык вражды» (Бобылева, 2021: 16).

В связи с этим важно упомянуть интересное коллективное исследование, в котором приняли участие психологи, антропологи, социологи, филосо-

фы, журналисты, публицисты (Сложные чувства, 2021)*. Книга создана в концептуальной рамке новой этики, и в ней анализируются в т.ч. и новые психологические реалии и трансформации современного русского языка с точки зрения репрезентации новых эмоций (подзаголовок «Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности»). Бо́льшая часть описанных в этом исследовании слов и является элементами психояза: *абьюз, газлайтинг, личностный рост, личные границы, нарциссизм, обесценивание, ресурс, токсичность, харассмент* и мн.др.

Кроме того, отдельной сферой изучения поведения человека в Сети становится киберэтика, которая приобретает все большее значение в связи с развитием новых медиа (Шомова, 2016). Современные СМИ и пространство интернет-коммуникации становятся все более конфликтогенными. Сегодня едва ли не любое слово, которое так или иначе характеризует человека или мир его переживаний, может потенциально кого-нибудь обидеть и моментально стать предметом этических рассуждений и разбирательств, а интернет-пользователь, его употребивший, будет морально уничтожен и почти неминуемо заклеймен «как агрессор, классификация которых также бурно развивается на наших глазах (от традиционных *мизогинист, гомофоб, ксенофоб, расист* до новых *абьюзер, харассер, газлайтер, эйджист, лукист* и т.д.)» (Ефремов, Матвеева, 2023: 266).

Таким образом, бурное развитие интернет-коммуникации, рецепция идей новой этики и дискурса новой эмоциональности, а также очередной этап медикализации общественного сознания, связанный с пандемией и ростом психотерапевтических услуг, привели к широкому распространению в русскоязычном коммуникативном пространстве 2010–2020-х гг. так называемого ***психояза***. Исследователи отмечают, что популярность психояза растет во всем мире и связана как минимум с двумя социальными причинами: (1) снижение (прежде всего на Западе) роли религии, которая традиционно помогала верующему человеку, предлагая те или иные формы выхода из сложных жизненных ситуаций, и (2) рост услуг в области психического здоровья, спровоцированный в т.ч. и пандемией COVID-19.

И если первоначально этот термин обозначал неправомерное и/или некорректное использование терминов и квазитерминов, связанных с психологией, психотерапией и психическим здоровьем, в повседневной, обыденной речи (***психояз1***), то в последнее время у этой лексемы появилось второе значение — ‘использование психологической терминологии для описания явлений, не имеющих отношения к сфере психологии’ (***психояз2***).

Важно оговорить, что не все единицы психояза — это бывшие термины, в его состав входят и квазитермины, связанные с различными околопсихологическими или даже оккультными практиками, преследующими разнообразные формы (псевдо)духовного поиска (интересный анализ ряда подобных

* Среди 20 участников, принявших участие в этом проекте, трое (Г. Юдин, И. Будрайтскис, Г. Гусейнов) признаны иностранными агентами в Российской Федерации.

квазитерминов дан в (Демина, 2023), где исследуется «Панганский толковый словарь»[1]).

Анализ бурного проникновения психологической терминологии в современный русский язык только начинается: если не брать точечные исследования функционирования в современном языке конкретных языковых единиц (типа *буллинг, выгорание*, *токсичный, триггер* и др.), среди работ на эту тему можно назвать три статьи, посвященные анализу терминов поп-психологии в интернет-среде (Здриковская, Мохова, 2022; Белова, Землякова, 2024) и на телевидении (Павлова, Грязнова, 2025), а также кандидатскую диссертацию, посвященную лингвоаксиологическим проблемам интернет-дискурса популярной психологии (Истомина, 2025).

Цель исследования — анализ лингвистической природы психояза как формы медикализации современного русского языка и речи.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили (1) Национальный корпус русского языка[2] (подкорпус «Социальные сети»), (2) электронный архив русскоязычных периодических изданий России и стран СНГ «Интегрум»[3], (3) информационно-поисковый лексикографический ресурс Института лингвистических исследований РАН «Новое в русской лексике»[4], из которых методом поиска слов и коллокаций с элементами контент-анализа извлекались контексты употребления исследуемых единиц. Кроме того, использовались традиционные методы семантического, компонентного, контекстуального, лексикографического и — отчасти — лингвокогнитивного анализа.

Методика исследования языкового материала была направлена на анализ семантических трансформаций лексических единиц, генетически восходящих к терминам психоанализа, психологии, психиатрии и единицам квазипсихологического дискурса.

Результаты исследования

Установлены генезис и семантическая эволюция в русском языке лексемы *психояз*, которая сейчас функционирует как словообразовательная калька английского *therapy-speak*, но не без влияния семантики более раннего квазитермина *psychobabble* (‘психоболтовня’).

Вопреки представлению о психоязе как исключительно современном феномене, исследование доказывает, что детерминологизации психологической (прежде всего психоаналитической) лексики уже происходила в русском

[1] Панганский толковый словарь. URL: https://phangan.ru/blog/slovar (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.04.2026).

[3] Интегрум. URL: https://aclient.integrum.ru/?si=wZCMqV2R&qu=0 (дата обращения: 01.04.2026).

[4] Новое в русской лексике. URL: https://neolex.iling.spb.ru/ (дата обращения: 01.04.2026).

языке, а именно в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Тогда в обиходную речь вошли такие единицы, как *вытеснение, комплекс, фрустрация, нарциссизм* и др.; часть из них была зафиксирована в толковых словарях уже в производном значении (например, *нарциссизм* как ‘самовлюбленность’).

Психояз квалифицирован как классический случай деспециализации и детерминологизации узкоспециализированной лексики. На примере термина *сублимация* продемонстрировано, как психоаналитическое понятие (‘защитный механизм психики’) прирастает обиходным значением ‘перенаправление энергии на другой вид деятельности’.

В работе впервые введены (с обоснованием различия) термины *психояз1* и *психояз2,* находящиеся в ситуации хронологической и семантической преемственности. *Психояз1* обозначает некорректное и непрофессиональное использование психологических терминов и квазитерминов в обиходной речи (особенно в разговорах о психическом здоровье и межличностных отношениях). *Психояз2* обозначает метафорическое использование психологической терминологии для описания явлений окружающей действительности, не имеющих отношения к сфере психологии. Широкое распространение и метафоризация *психояза1* приводят к появлению *психояза2*, который намечает новые пути концептуализации действительности.

Важным фактором актуализации «психологической» лексики становятся и сугубо российская концепция новой этики, и общемировая ситуация «новой эмоциональности».

Обсуждение

История слова

В русском языке 2020-х гг. слово *психояз* — это результат калькирования английского слова *therapy-speak (therapy speak)*, которое в англоязычной среде приобрело широкое хождение после публикации эссе журналистки и культурного обозревателя Кэти Уолдман в The New Yorker 26 марта 2021 г.[5]. В русском языке существуют и другие кальки английского происхождения, созданные по этой же модели: *новояз* восходит к *newspeak* Джорджа Оруэлла, *короноязык* — к *coronaspeak* (Maher, 2024). Однако в русском языке появляются и свои, уникальные лексические единицы, созданные по словообразовательной модели сложного существительного со вторым корнем *-яз*: *луркояз* (2008), *некрояз* (2022), например.

Справедливости ради необходимо отметить, что английский термин *therapy-speak* для обозначения неоправданного использования психологических, психоаналитических и психиатрических терминов в повседневной жизни был не первым в англоязычной культуре. В 1975 г. в статье «Psychobabble: The New Language of Candor» («Психоболтовня: Новый язык искренности»)

[5] *Waldman K.* The Rise of Therapy-Speak // The New Yorker. 26.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/the-rise-of-therapy-speak (дата обращения: 01.04.2026).

американский писатель, критик и журналист Ричард Дин Розен придумал слово psychobabble («психоболтовня»), созданное на основе универбации словосочетания psychological (‘психологический’) babble (‘лепет; болтовня’), для обозначения «набора повторяющихся вербальных формальностей, который уничтожает ту самую спонтанность, искренность и понимание, которые он якобы призван продвигать. Это жаргон, сводящий психологическое прозрение к набору стандартизированных наблюдений и предлагающий застывший лексикон для работы с бесконечным разнообразием проблем» (цит. по: (Robert, 1990: 480)). В качестве единиц психоболтовни Розен приводит такие слова, как *codependent* («созависимость»), *denial* («отрицание»), *narcissism* («нарциссизм») и аналогичные им.

На просторах русскоязычного сегмента интернета первое употребление слова *психояз* обнаруживается в 2010 г., в фантастической повести А.А. Самойленко «В этой бесконечной, крохотной Вселенной....», в которой внутри метаязыковой рефлексии автора находим замечание: «*— Крыша поехала!.. — замычала тетенька-врач. Для справки: „крыша поехала" — это профессиональный* ***психояз*** *и универсальный диагноз наших психиатров*»[6]. Здесь слово *психояз* используется в значении ‘профессиональный сленг психиатров’.

Второе (явно окказиональное, авторское) употребление слова *психояз* относится к 2015 г. На портале «Стихи.ру» в ответ на похвалу своему стихотворению «Антигероиня» поэт Надежда Ревазова упоминает некую книгу, характеризуя ее следующим образом: «*Есть такой разговорничек „Межлокальная контрабанда". Психояз навороченный, легкообременительный*»[7]. Книга, о которой идет речь, изданная без указания автора, года и места публикации (в реальности же «Межлокальная контрабанда» написана представителем тюменской неофициальной культуры А. Михайловым в 1997 г.), представляет собой образец андеграундной словесной культуры в виде собрания микротекстов от одного до нескольких предложений, не имеющих никакого отношения к (псевдо)психологическому дискурсу. На неподготовленного читателя эта книга может произвести впечатление некоего психоделического опыта, что, наверное, и сподвигло Н. Ревазову использовать для ее описания слово *психояз* в значении ‘чрезмерно сложный для восприятия язык’.

Впервые же в интересующем нас значении термин *психояз* использован в Рунете блогером «Живого Журнала» под ником mikhail_bar 11 марта 2020 г. в следующем контексте:

«*Психояз.*

Впору составлять словарь „психояза".

Популярные психологические термины, с помощью которых обрисовывается некоторая новая реальность самосознания и самоописания.

Абьюз, агрессия, буллинг, газлайтинг, депрессия, нарцисс, насилие, мизогиния, обесценивание, сексизм, созависимость, ресурс, токсичность и т.д. <…>

[6] Интегрум. URL: https://aafnet.integrum.ru/artefact3/ia/ia5.aspx?lv=6&si=wZCMqV2R&qu=221&st=0&bi= 7516&xi=&nd=1&tnd=7&srt=3&f=0 (дата обращения: 01.04.2026).

[7] Стихи.ру. URL: https://stihi.ru/2015/04/05/7399 (дата обращения: 01.04.2026).

Какое-то ядреное сочетание рекламы, моды, идеологии, психологии, психотерапии и философии своего рода.

Обещает прозрение и спасительную ясность.

Поражает организм не хуже вируса. И есть ли против этого вакцина?»[8].

Таким образом, как минимум с весны 2020 г. в русскоязычном сегменте интернета появляется лексема *психояз* в значении ‘психологические и психотерапевтические термины, используемые в повседневной, обыденной речи не в терминологическом значении’.

С середины 2020-х гг. о психоязе как об определенной проблеме взаимопонимания и даже «разрушения коммуникации» заговорили и сами психологи[9].

Психояз 1 как детерминологизация специальной лексики

С лингвистической точки зрения психояз представляет собой классический случай деспециализации и последующей детерминологизации узкоспециализированной лексики. Как известно, детерминологизация — это рядовой для языка процесс утраты терминологической единицей строгого лексического значения и переход ее в разряд общеупотребительной лексики. «В случае с психологическими терминами этот процесс приобретает особую значимость, поскольку связан с распространением психологических концепций и их адаптацией к повседневным коммуникативным потребностям» (Юсенко, 2025: 1820). Аксиологический характер детерминологизации психологической лексики и самой природы психояза подчеркивается большинством исследователей: (Здриковская, Мохова, 2022; Павлова, Грязнова, 2025; Истомина, 2025) и др.

Отметим, что нечто подобное нынешней моде на психологическую терминологию российское общество и русский язык проходили в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда в перестроченное время с Запада пришло огромное количество разнообразных гуманитарных концепций и, в частности, произошла повторная (после стремительно закончившейся по политическим причинам первой четверти XX в.) рецепция психоанализа. Именно тогда на русский язык обрушилась первая волна психояза (в большей степени соответствующего американской версии psychobabble): в обиходную речь хлынули такие детерминологизированные слова (понятия) психоаналитической теории, как *вытеснение, защитный механизм, комплекс, либидо, психологическая защита, фиксация, фрустрация* и мн.др. Более того, часть слов, которые уже к тому времени существовали в русском научном (или околонаучном) дискурсе, как *бессознательное, нарциссизм, подсознательное, фетишизм,* в языковом

[8] Живой журнал. URL: https://mikhail-bar.livejournal.com/108565.html (дата обращения: 01.04.2026).

[9] *Кудряшова Н.А.* Осторожно, психояз! Кто мы, когда ярлыки исчезают? [Электронный ресурс]. b17 (Сайт психологов № 1). 12.02.2026. URL: https://www.b17.ru/article/831618/?ysclid=mlo9cdnxpt497566726 (дата обращения: 01.04.2026).

сознании большого количества носителей языка обрели прочную связь именно с теорией Фрейда и его последователей, а не с другими формами гуманитарного знания (как могло бы быть, например, с *фетишизмом*, имеющим отношение и к истории религии).

Важно, что после первой волны детерминологизации психологических и психоаналитических терминов далеко не все эти единицы были зафиксированы фундаментальными толковыми словарями: так, из перечисленного выше ряда в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТСРЯ) находим только две единицы, да и то с разными пометами: *фетишизм* (*Мед.*) и *фрустрация* (*Психол.*)[10]. Одновременно в ряде случаев БТСРЯ фиксирует и полную детерминологизацию исторически психоаналитических терминов, например: «**Нарциссизм**. Самовлюбленность, самолюбование».

Аналогично в БТСРЯ обнаруживается детерминологизированное значение, поданное в виде оттенка, в следующей словарной статье: «**Комплекс. 4**. В психологии: группа разнородных психических элементов, процессов, соединенных в одно целое. *Комплекс вины. Комплекс неполноценности* (болезненное осознание своих недостатков, своей неполноценности). *Эдипов комплекс* (возникающее в младенчестве враждебное отношение сына к отцу). || *Разг.* Ощущение собственной уязвимости, социальной незащищенности; комплекс неполноценности. *Комплексы нужно изживать. Она явно с комплексом. Человек без комплексов».*

Итак, первая волна детерминологизированной психологической (прежде всего, психоаналитической) лексики обрушилась на русский язык еще в конце XX в., оставив следы в языке и мышлении.

Однако если еще в конце 2000-х гг. А.В. Юревич, рассуждая о современной ему популяризации психологических знаний, мог отметить, что «и психологическое знание, и интерпретации психологических состояний, и практические рекомендации формулируются в поп-психологических текстах в терминах обыденного языка, а не в таких терминах практической психологии, как „компенсация“, „сублимация“, „катарсис“, „аутизм“ и др., малопонятных обывателю» (Юревич, 2008: 60), то сейчас, почти 20 лет спустя, все изменилось кардинальным образом. Медикализация языка, речи и сознания приводит к тому, что большинство названных терминов перешло в психояз и активно используется не только в рамках (около)психологического дискурса, но и далеко за его пределами: вот, например, какие употребления слова *сублимация* (упомянутого в приведенной выше цитате эксперта) обнаруживаются в подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ[11] (орфография и пунктуация источников сохранены):

К тому же, к чему люди бьют посуду, стучат по мебели, пинают покрышки и хлопают дверьми. ***Сублимация*** *выплеска энергии. тобишь истеричка)* [Крысы: болталка (2006–2017)];

[10] Здесь и дальше: *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 01.04.2026).

[11] НКРЯ. Подкорпус «Социальные сети». URL: https://clck.ru/3TFE6G (дата обращения: 01.04.2026).

Я их даже не ем сейчас — за лето попробовал половинку, честно угощенный — вторую половинку пришлось выбросить, так как от помидора мне отчетливо поплохело, хот он был вполне себе домашний, спелый и не кислый. Мда… Клептомании я тоже за собой не замечал. Скорее, это какая-то ***сублимация*** *плюшкинского желания запастись всем, даже ненужным, ибо — да, я стал жалок и жаден, почти как он.* [Псевдоним alfare. Лайфстайл блог (2020)];

Здорово, что Вы знаете о ***сублимации*** *в виде спорта, чтения книг и усталости на работе* [Елена Дьячкова. КЕДы (30.07.2021)].

Как видно из приведенных примеров, психоаналитический по происхождению термин *сублимация* полностью утратил в них свое терминологическое значение (‘защитный механизм психики, в процессе которого внутренние стремления человека преобразовываются в социально приемлемые действия, через которые он может получить частичное или полное удовлетворение этих стремлений’[12]), превратившись во вполне обиходное слово со значением ‘перенаправление сил и энергии на другой тип деятельности’.

Справедливости ради необходимо отметить, что в некоторых случаях психояз может играть важную психотерапевтическую функцию. Например, некоторым людям психологическая терминология (*выгорание, личные границы, токсичность, триггер*) позволяет концептуализировать и рационализировать ту или иную психологически или эмоционально крайне тяжелую ситуацию, делая ее предсказуемой и безопасной. Таким образом, в некоторых случаях рационализация через термины может помочь справиться с чрезмерными эмоциями.

Одновременно следует помнить и об оборотной стороне этой медали: «Использование психологических терминов за пределами психологического дискурса служит средством конструирования особой психологической реальности, в которой формируется современная эмоциональная культура уязвимости человека перед жизненными проблемами и его словесно декларируемой жертвенности» (Плотникова, 2021: 51).

Кроме того, опасность психояза заключается еще и в том, что он размывает точные значения психотерапевтических терминов, определенным образом патологизируя те или иные ситуации. Так, с научной точки зрения *булимия, выгорание, депрессия* и мн. др. — это серьезные, требующие тонких и точных действий специалиста состояния. Самодиагностика или использование подобных слов как модных ярлыков может привести к серьезным проблемам. Кроме того, использование психояза в общении с близкими и друзьями заменяет обычное, традиционное участие, поддержку и заботу псевдоинтеллектуальным дистанцированием, подчас сопровождаемым демонстрацией широких (псевдо)познаний из соответствующих областей психологии или даже психиатрии.

Важно, что современные исследователи напрямую указывают на вред психояза как орудия манипуляции и даже агрессии: «В том что касается эти-

[12] B17.ru (Сайт психологов № 1). URL: https://clck.ru/3TFD8h (дата обращения: 01.04.2026).

ческих проблем, психояз может использоваться для дискредитации отдельных лиц, уклонения от ответственности и даже демонстрации социального статуса путем занятия якобы объективной позиции» (Isern-Mas, Almagro, 2025: 465).

Психояз2 как метафоризация детерминологизированной лексики

Однако психояз как одна из форм медикализации языка и мышления не останавливается на детерминологизации психоаналитической, психологической и психиатрической лексики и использовании ее в профанном значении для описания ментальной и эмоциональной сфер человека. Напомним, что с социологической и антропологической точек зрения медикализация проявляется в т.ч. и в переносе медицинских терминов и концепций на сферы общественной и человеческой жизни, с медициной не связанные. Подобное происходит и с психоязом. «Сегодня в медиа все привычнее рассуждения о *токсичных отношениях в социуме, коллективной травме, газлайтинге*, что приводит к мыслям о формировании в политическом дискурсе особого „психояза‟ как части языка медицины» (Шмелева, 2024: 594).

Действительно, можно утверждать, что в современном русском языке формируется продуктивный тип метафоризации, который назовем *психояз2* — использование психологической терминологии для описания явлений, не имеющих никакого отношения к сфере психологии.

Например, на наших глазах происходит переосмысление относительно недавно вошедшего в употребление слова психологического генезиса *абьюз* (‘жестокое и унизительное обращение с кем-л., насилие по отношению к кому-л., имеющее целью принуждение кого-л. к подчинению, подавление его воли и т.п.’[13]), а также его многочисленных и актуальных производных, для номинации и концептуализации явлений, не имеющих никакого отношения к сфере межличностного общения.

Так, в лексикографической базе данных «Новое в русской лексике» зарегистрированы две интересные единицы:

«**Абьюз²** *Проф*. В сфере информационных технологий — нарушение правил использования интернет-ресурсов, сервисов и т.п. — *При игре во взводе в теории вы сможете стакать блок карт, ну, это такой абьюз получается (на самом деле таков дизайн данной фичи *смеется*).* Overclockers.ru 26.08.2008. *Несмотря на то, что многие провайдеры поддоменов ведут записи WhoIs и исправно откликаются на жалобы, злоупотреблений в этом пространстве пока хватает, а заблокировать фишинговый ресурс — большая проблема. Например, свыше 40 % поддельных сайтов, обнаруженных в отчетный период, были привязаны к доменной зоне .co.cc, хотя соответствующий корейский сервис очень оперативно реагирует на абьюзы.* SecurityLab.Ru 04.05.2017»[14]. (Орфография и пунктуация источников сохранены).

[13] Новое в русской лексике. URL: https://neolex.iling.spb.ru/simple-search?title_op=contains&title=абьюз (дата обращения: 01.04.2026).

[14] Там же.

Если это значение русского слова *абьюз* обусловлено аналогичным лексико-семантическим вариантом английского abuse (‘использование чего-л. вредным или аморальным способом’)[15], то вот сверхсловная номинация, которая была зарегистрирована в 2025 г., — это абсолютно точно русская языковая новация.

«**Банковский абьюзер**. О том, кто выискивает выгодные ставки в разных банках и переводит деньги с вклада на вклад. *Российские банки стали массово повышали приветственные ставки по вкладам, что привело к появлению нового типа клиентов — профессионального ловца выгоды, или „банковского абьюзера".* Русский репортер [rusrep.ru] 23.04.2025. *За счет массового повышения банками приветственных ставок на рынке вкладов в России появился новый тип клиентов — банковские „абьюзеры". Об этом говорится в исследовании аналитической и консалтинговой компании Frank RG. После сокращения приветственных бонусов в одном банке „ловцы выгоды" переводят свои сбережения в другой. Так они могут „гонять" до 30 млн рублей между разными финансовыми организациями, получая самую выгодную на рынке ставку по вкладу или накопительному счету.* t-j.ru 24.04.2025»[16]. (Орфография и пунктуация источников сохранены).

Как видно из иллюстраций этой словарной статьи, идея абьюза в семантике данной единицы полностью находится за пределами сферы психологии. И даже если предположить, что сквозь русскую сверхсловную номинацию *банковский абьюзер* как будто бы просвечивает английское словосочетание *financial abuse* (‘лишение жертвы доступа к финансовым ресурсам и к принятию финансовых решений’), то все равно в англоязычном мире нет аналога русской новации — *банковскому абьюзеру*. Важно сделать акцент на том, что для любого современного носителя русского языка эта номинация неминуемо будет связана с идеей абьюза как психологического насилия, так как и само слово, и его дериваты активно используется в медиа- и интернет-пространстве уже более двух десятилетий. Собственно, таким образом и реализуются механизмы переосмысления психотерминов, создающие почву для функционирования и развития *психояза2*.

Заключение

В ходе истории человечества медикализация языка и мышления происходила многократно и по-разному. В современной мире она связана, прежде всего, с ростом значимости медицины, проблемами доступности медицины и высоких технологий в ней, вопросами биоэтики и государственного медицинского контроля, многочисленными эпидемиями и пандемией COVID-19.

[15] Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/abuse (дата обращения: 01.04.2026).

[16] Новое в русской лексике. URL: https://neolex.iling.spb.ru/simple-search?title_op=contains&title%3Абанковский (дата обращения: 01.04.2026).

В современном русском языке примером медикализации может служить психояз, обозначающий два пути использования медицинской лексики — детерминологизация и метафоризация.

Перспективы исследования связаны с широким спектром дальнейших разысканий. Среди теоретических направлений можно выделить диахронические (анализ функционирования терминов психологии в истории языка), лингвокогнитивные (медикализация как способ концептуализации действительности; роль метафоры в детерминологизации единиц тех или иных наук), лингвоаксиологические (сопоставление состава, механизмов создания и рецепции психотерминов в разных языках и культурах). К практическим задачам можно отнести составление актуального словаря психояза.

Список литературы

Белова Е.В., Землякова К.В. Использование психологических терминов в интернет-среде как признак виртуализации мышления молодежи // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 4 (10). С. 128–143. EDN: GEIHCT

Бобылева М.С. Мы так говорим: токсичные слова и как их избежать. М. : АСТ, 2021. 224 с.

Демина А.Е. В потоке, в моменте, в ресурсе: о лексике современного (псевдо)духовного поиска // Неология. Неография. 2022 : сб. науч. ст. СПб. : ИЛИ РАН, 2023. С. 74–88. EDN: EYXVJN

Ефремов В.А., Матвеева С.У. Язык и гендер в аспекте новой этики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2023. № 210. С. 265–274. https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-265-274 EDN: FDKYDI

Здриковская Т.А., Мохова Ю.А. Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 5. С. 1548–1553. https://doi.org/10.30853/phil20220284 EDN: MBZKAE

Истомина Е.М. Лингвоаксиологическое и идеографическое описание интернет-дискурса популярной психологии : дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2025. 210 с.

Кошкарова Н.Н., Яковлева Е.М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152. https://doi.org/10.26170/pl19-05-15 EDN: BOSSNZ

Макарова О.С. Лингвистический аспект медикализации: постановка проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2015. № 2 (2). 10. EDN: UMNOXR

Михель Д.В. Медикализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2 (60). С. 256–263. EDN: OZFKCN

Павлова А.И., Грязнова В.М. Процесс детерминологизации терминов из области психологии в языке современных развлекательных телепередач // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 327–332. https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.20 EDN: FWHPMQ

Плотникова А.М. «Когнитивный диссонанс», «депрессия», «разрыв шаблона» и другие психологические термины за пределами психологического дискурса // Cognitive Neuroscience – 2020 : материалы Междунар. форума, Екатеринбург, 11–12 декабря 2020 г. Екатеринбург : УрФУ, 2021. С. 49–51. EDN: WFRPFS

Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / М. Аронсон и др. М. : Common Place, 2021. 269 с.*

Шмелева Т.В. Лингвистическое исследование сферы ‘здоровье/болезни’: методологические основания // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 4 (55). С. 590–598. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4(55).590-598 EDN: LXPHKW

Шомова С.А. Новые медиа и «новая этика»: к вопросу о ценностных трансформациях журналистской профессии // Медиаальманах. 2016. № 4 (75). С. 12–20. EDN: WYHYPH

Юревич А.В. Поп-психология // Природа. 2008. № 5 (1113). С. 57–60. EDN: OUIAGB

Юсенко П.В. Детерминологизация новейших психологических терминов в современном дискурсе // Язык и культура: взгляд молодых : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках V Костомаровского форума, Москва, 22 мая 2025 г. М. : ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2025. С. 1820–1824. EDN: HWXZYP

Conrad P. The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders. Baltimore : The John Hopkins University Press, 2007. 205 p.

Isern-Mas C., Almagro M. Unmasking therapy-speak // Theoretical Medicine and Bioethics. 2025. Vol. 46. № 6. Pp. 465–489. https://doi.org/10.1007/s11017-025-09730-5 EDN: SOTGEQ

Maher J.C. The World of Coronaspeak: Mockdown, PCR and Surgeon’s Finger. Cambridge Scholars Publishing, 2024. 266 p.

Robert E. The concise Columbia dictionary of quotations. New York : Avon Books, 1990.

Сведения об авторе:

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9. *Сфера научных интересов:* неология и неография, лексикология и лексикография, современный русский язык, культура речи, юрислингвистика. ORCID: 0000-0002-0247-706X. AuthorID: 320329. SPIN-код: 3233-2138. ResearcherID: M-6351-2016. Scopus ID: 57192025216. E-mail: valef@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363
EDN: EJKUCF

Research Article

Therapy-speak as a form of Russian language medicalization

Valerii A. Efremov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, *Saint Petersburg, Russian Federation*
✉valef@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the increasing medicalization in modern Russian society caused by the following factors: the COVID-19 pandemic, the spread of “new ethics” and “new emotionality” concepts, and the growing popularity of

* Среди 20 участников, принявших участие в этом проекте, три человека (Г. Юдин, И. Будрайтскис, Г. Гусейнов) признаны иностранными агентами в Российской Федерации.

psychotherapeutic services. The psychological terms entered everyday speech and communication, which gave rise to the phenomenon of *психояз* ‘therapy-speak’. The study is aimed at analyzing the linguistic nature of therapy-speak as a form of modern Russian language and speech medicalization. The research material includes data from the Russian National Corpus (subcorpus “Social Networks”), the Integrum electronic archive, and the lexicographic resource “New Words in Russian Vocabulary” (ILR RAS). The contexts of the analyzed units were extracted through word and collocation search combined with content analysis elements. The study employs traditional methods of semantic, component, contextual, lexicographic, and partially linguistic-cognitive analysis. The research shows the genesis and evolution of the term *психояз ‘therapy-speak’* in the Russian language. The historical continuity of the phenomenon is revealed; the first wave of determinologized psychoanalytic lexis occurred in Russian in 1990s (комплекс ‘complex’, либидо ‘libido’, фрустрация ‘frustration’, нарциссизм ‘narcissism’, etc.). Therapy-speak is qualified as a traditional case of specialized lexis determinologization. The distinction between *therapy-speak1* (incorrect use of psychological terms in everyday speech) and *therapy-speak2* (metaphorical transfer of psychological terminology to phenomena unrelated to psychology) is introduced and substantiated for the first time. The author proves that “new ethics” is an important factor for psychological lexis actualization.

Keywords: psychotherapeutic jargon, psychological terms, quasi-terms, determinologization, new ethics, new emotionality

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 25.02.2026; accepted 15.05.2026.

For citation: Efremov, V. A. (2026). Therapy-speak as a form of Russian language medicalization. *Russian Language Studies*, *24*(3), 350–363. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363 EDN: EJKUCF